

ВЕСНІК

Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя Янкі Купалы

Серыя 1

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
і сацыялогія
Культуралогія
Педагогіка
Правазнаўства
Філалогія

2 (10), 2002

«АХИЛЛЕСОВА ПЯТА» ТЕОРИИ ПРОГРЕССА

В статье вскрываются основные противоречия теории прогресса, дается развернутая критика прогрессистского сознания. Показано, что в своей эволюции прогрессизм, скрестившись с идеологией, превратился в своего рода религиозный тип сознания («религия прогресса»). При этом в работе делается вывод, что представления о неограниченном линейном прогрессе являются серьезным препятствием к рассмотрению социального мира во всей его сложности и полноте, мешает увидеть в нем разнообразие форм, которые параллельно сосуществуют друг с другом. Кроме того, в работе подчеркивается, что XX век выявил множество симптомов, которые однозначно указывают на необходимость переосмысления как отечественного, так и зарубежного типов прогресса.

Идея прогресса – это могущественная и всеобъемлющая сверхтеория, которую унаследовало современное обществознание из философской мысли XVII – XIX вв. Суть этой теории заключается в том, что все человеческие общества, хотя и с некоторыми временными отклонениями, закономерно и естественно движутся путем стадийного усложнения и поступательного развития от варварства, деспотизма, нищеты и невежества к цивилизации, демократии и просвещению, к торжеству разума, разумного мироустройства, а стало быть, к миру унифицированному на основе единой и наиболее разумной организации. Будучи одной из наиболее проработанных и изящных теоретических конструкций,

идея прогресса несла в себе мощный ценностный заряд, фундаментальный оптимизм и реформаторское рвение. Среди приверженцев прогрессистского мироощущения, невзирая на их весьма частые дискуссии и глубокие разногласия относительно того, что является главной движущей силой общественного прогресса: развивающийся ли разум, рост ли производительных сил или еще что-нибудь, а также несмотря на то, что реальная действительность отнюдь не редко вступала в конфликт с данным мироощущением – сама идея прогресса оставалась непоколебимой, обнаруживала невероятную живучесть. Менялась лишь мода на слова: «прогресс», «модернизация», «трансформация», «экономический рост», «экономическая эффективность», «цивилизаторская миссия» и т.д. Но вне споров оставалось то положение, что человечество, двигаясь вперед («вверх») по восходящей линии, проходит универсальные стадии в своем развитии, что вся история социума может быть представлена как иерархия высших и низших ступеней.

Идея прогресса получила необычайно широкое распространение, стала достоянием массового сознания, проникла во все слои общества, в школьные классы и студенческие аудитории, вошла в общепринятый обиход мышления и языка. В западноевропейской культуре вера в прогресс, «прогрессистское сознание», прогрессизм стал с явной поспешностью занимать «вакантное» место Бога, утратившего к тому времени свою силу и власть над людьми.

В своей эволюции прогрессизм, скрестившись с идеологией, превратился в своего рода религиозный тип сознания («религия прогресса»). Так, например, имевший до недавнего времени широкое распространение в советской общественно-экономической литературе взгляд на историю как процесс закономерной смены общественно-экономических формаций, где каждая новая «выше» предшествующей, нес в себе значительный элемент фатализма и исторического телеологизма¹. В подобного рода взглядах и концепциях явно или подспудно присутствовала мысль о неизбежности наступления коммунистического общества, об автоматизме действия социальных законов, особенно законов социализма, о неумолимой логике истории, с непреложностью ведущей от одной общественно-экономической формации к другой, все более высокой и совершенной. История, таким образом, оказывалась погруженной в перспективу будущего, начинала рассматриваться как последовательная смена стадий, неизбежно завершающееся утопией «светлого будущего», царством социальной гармонии, действовала как бы от имени будущего, его целесообразности, планомерности и планообразности.

В общетеоретическом плане идея прогресса основывалась на представлении о том, что социальный процесс может быть понят, описан, математизирован и смоделирован специалистами и учеными, что давало прямую санкцию таким сферам общественной деятельности, как социальное планирование и социальная инженерия.

Здесь мы сталкиваемся с феноменом секулярной религии, со своего рода человекобожием (выражение принадлежит Ф.М.Достоевскому). Теперь системе, заданную Богом, должен сконструировать сам человек. Он призван заменить божественный креационизм² собственным, человеческим. Но в этом человеческом креационизме достаточно рельефно присматриваются фундаментальные идеи провиденциализма³, правда, лишь в рационально-плоскостном облики. «Научно» обоснованные замыслы творческих индивидуальностей или

¹ Телеология (от греч. telos – цель и ...логия – слово) – учение о целесообразности в природе и обществе, о движении истории к определенной цели, финалу.

² Креационизм (от лат. creatura – создание, творение) – религиозное учение о сотворении мира из ничего. Характерен для теистических религий, иудаизма, христианства, ислама.

³ Провиденциализм (от лат. providentia – провидение) – теологическое истолкование исторического процесса как осуществления замысла Бога.

объективные законы экономики, техники, информационных систем теперь реализуются в истории не Богом, но реализуются, тем не менее, с той же самой неотвратимостью и непреложностью, как это имеет место, например, в религиозных эсхатологических⁴ учениях. Новый Бог по имени Прогресс призван разрешить все фундаментальные противоречия человеческого бытия. Теперь он призван служить утопии Прогресса с полным пантеоном ее Богов и Богинь, призывающих его приносить нешуточные жертвы на алтарь этого нового Молоха. Конечный итог такого рода поклонений – тоталитаризм, как это ни странно может показаться на первый взгляд.

Так идея прогресса, шаг за шагом объективируемая в надындивидуальную мироустроительную силу, превращается в специфическую разновидность светского провиденциализма с внутренне присущей ему чертой хилиазма⁵ – верой в достижение конечного, совершенного состояния мира, где полностью преодолены неустроенность и несовершенство человеческого бытия. Отсюда – мобилизирующая сила идеи прогресса, ее способность выступить в качестве мощного стимула социально-политического действия, аккумулировать энергию и готовность ее сторонников бороться за скорейшее наступление будущего состояния земного рая для всего человечества.

Идея прогресса, возводя в ранг закона однолинейность развития социума, обернулась в западноевропейском сознании определенной ранжировкой истории человечества: одни общества – «передовые», более «продвинутые» и «развитые», а другие – «отставшие» и «неразвитые», а поэтому нуждающиеся в опеке и помощи со стороны «развитых». При этом «развитые» страны выступают идеалом – образцом для «неразвитых», представляют собой картину их будущего состояния.

На практике такой взгляд позволял западноевропейским народам видеть в себе полное воплощение понятия прогресса, а соответственно, рассматривать свои общества в качестве естественных мировых лидеров, имеющих безусловное право проектировать и моделировать (само собой понятно, на основе «научной» теории прогресса) будущее всего человечества. Отсюда – потрясающее высокомерие и снобизм западноевропейских народов, вдруг увидевших свою задачу в украшении культурного многообразия человечества и превращении всего мира в арену утверждения западноевропейских (точнее, евроамериканских) ценностей, которые теперь стали усиленно и навязчиво интерпретировать как общечеловеческие. Не здесь ли кроется одна из причин европоцентрического перекоса в современных глобализационных процессах?

Всепоглощающая идея прогресса оказалась весьма удобным и эффективным оружием в политико-идеологической борьбе. Ее старались приватизировать не только отдельные страны и народы, но и все политические партии. От ее имени политические деятели обвиняли и обвиняют по сей день друг друга в ретроградстве, махровом консерватизме, пещерном мышлении и т.д. Кажется, и на сегодняшней политической арене не слышно высказываний о том, является ли в принципе верной сама постановка вопроса о бесконечном прогрессивно-поступательном развитии человечества. По-прежнему спор идет лишь о том, чья программа или проект являются наиболее высшим воплощением идеи прогресса и идеалом – образцом для всех остальных, т.е., по сути дела, спор идет о том, чья утопия в данный момент является самой привлекательной. Бесконечные заклания, слова и фразы о служении прогрессу стали удобным способом или приемом в подавлении всех иных точек зрения на социальные процессы. Бес-

⁴ Эсхатология (от греч. Eschatos – последний, конечный и ...логия – слово, учение) – религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

⁵ Хилиазм (от греч. chiliar – тысяча) или миллиаризм (от лат. mille – тысяча) – религиозное утопическое учение о тысячелетнем счастливом царстве, которое будет достигнуто в результате воцарения Христа на Земле после его второго пришествия.

численное количество экспертов и аналитиков, говоря и действуя от имени теории прогресса, считают себя вправе бесцеремонно игнорировать все те мнения и взгляды, которые так или иначе не вкладываются в прокрустово ложе этой объяснительной парадигмы. Более того, для данных экспертов и аналитиков теория прогресса, возведенная в ранг догмы абсолютной истины для всего человечества, являлась особым рода санкцией, легитимирующей самые чудовищные социальные эксперименты, превращающие огромные массы людей (разумеется, во имя их же блага) в объект беззащитной манипуляции. Они напористо, безапелляционно и с неслышанным безразличием по отношению к отдельным человеческим судьбам и судьбам целых народов пытались и пытаются навязать себя в качестве единственных представителей общечеловеческих интересов и тем самым получить монопольное право управлять людьми, распределять привилегии и осуществлять выбор дальнейшего развития человечества. Так во имя прогресса и в интересах научного планирования и проектирования (точнее сказать, в интересах грубой социальной инженерии) большинство не только отдельных граждан, но и стран лишаются права на собственный выбор и собственное историческое творчество и развитие.

Все изложенное позволяет нам говорить о тирании прогресса, о его антигуманности и жестокости. «В конечном итоге, — пишет Т.Шанин, — идея прогресса превратилась в могущественную идеологию порабощения. Во имя ее вершились и вершатся акты поразительной жестокости, оправдываемые «великим будущим», а поэтому допустимые, более того, мыслящиеся как прямые обязанности элит» [1, с. 36].

В сущности, идея прогресса явилась продолжением и развитием философского учения о познаваемой необходимости, утвердившегося в Новое время или, как сейчас стало модным говорить, в эпоху модерна. Данное учение исходило из того, что история (еще до всякого нашего познания и действия) сама отлично знает, куда она идет, и располагает всеми гарантиями конечного успеха. «История, — пишет Э.Ю.Соловьев, — осиливает любые произвольные вмешательства в ее предопределенное течение, залечивает любые (в том числе и хирургические) раны, окупает самые грандиозные издержки во имя грядущего. История сообщает статус единственно обоснованного императива не отстать от самотека событий и претворяет страх отставаний в мобилизирующий энтузиазм. Властью обстоятельств она определяет известные общественные группы (нации, конфессии или классы) на роль своих гегемонов, наделенных естественноисторическим правом командного принуждения к прогрессу» [2, с. 34 – 35].

Следует особо подчеркнуть, что наиболее глубоко обоснованное и ярко выраженное философское предостережение об опасности новой секулярной религии эпохи модерна — теории прогресса, имманентно содержащей в себе импульс к утверждению социально-революционистских тоталитарных идеологий, мы находим в знаменитом манифесте русского христианского антиисторизма — в сборнике «Вехи» (1909), а затем и в ряде других произведений русских философов периода религиозно-философского ренессанса в России. Русские философы обосновали взгляд о тоталитарно-утопической природе главного детища западноевропейской философии просветительского рационализма, всей эпохи модерна — теории общественного прогресса, об эгоистически-потребительской направленности западноевропейской цивилизации, логический конец которой — тупики саморазрушения. Они первые в мировой общественной мысли со всей глубиной осознали опасность и трагизм реальных попыток воплощения в жизнь внешностных неорганических идеалов, не основывающихся на коренных свойствах и законах природного и человеческого мира, не вытекающих из традиций и исторического опыта народа. При этом русские мыслители подчеркивали, что идея прогресса практически всегда воплощается в системе деспотизма, исходящего из права неограниченного господства и обязанности слепого повиновения ради грядущего совершенства. Такие мыслители, как П.А.Флоренский, С.Н.Бул-

гаков⁶ и др., оценивали стремление «прогрессистов» к рационализации общественной жизни как опасную идею опеки, как принудительное управление и руководство людьми во имя эффективного будущего. И в самом деле, носители «прогрессистского» сознания, убежденные в достоинствах своего проекта, готовы платить любую цену за его реализацию. Из любви к человеку они будут строить концлагеря, во имя «нового мирового порядка» вести бесконечные войны и т.д. Верно сказано: благими намерениями дорога в ад вымощена. Вспомним, с какой необыкновенной фанатической устремленностью, невзирая ни на какие жертвы, в послереволюционные годы во Франции, в России и в ряде других стран внедрялась в жизнь идея «убыстрения» прогресса.

Сегодня не только теоретическая несостоятельность, уязвимость и неуниверсальность, но и практический вред идеи прогресса становится все более очевидными. Обнаруживается, что представления о неограниченном линейном прогрессе являются серьезным препятствием к рассмотрению социального мира во всей его сложности и противоречивости, мешают увидеть в нем многообразие форм, которые параллельно сосуществуют друг с другом, не отмирая и не выступая лишь этапами или ступеньками одни для других в каком-то цельном, едином и однонаправленном процессе, что огромное количество фактов и явлений никоим образом не вписывается в прогрессистские модели. В целом XX век выявил множество симптомов, которые однозначно указывают на необходимость переосмысления как отечественного, так и зарубежного типов прогресса. Такое переосмысление должно вестись, прежде всего исходя из экологических императивов, концепции козволюции человека и природы, требований сохранения экологического равновесия.

Короче говоря, созрела потребность в развенчании культа прогресса, в последовательной критике его основных постулатов. Правда, критику идеи прогресса следует вести отнюдь не с целью посеять пессимизм и лишить людей надежды на лучшее будущее. Напротив, задача состоит в том, чтобы утвердить в жизни людей более значимые ценности, чем те, которые постулирует теория прогресса.

«Ахиллесова пята», основной порок «религии прогресса» заключается в том, что она обожествляет будущее, поклоняется этому будущему, приносит ему в жертву настоящее и прошлое. Но кто может доказать, что в каком-то отдаленном будущем какое-то поколение людей в большей степени достойно даров прогресса, чем все ему предшествующие поколения? Почему ради счастья и процветания одного какого-то поколения в неизвестно сколь отдаленном будущем, должны трудиться, приносить себя в жертву все другие, бесконечно сменяющие друг друга поколения? Почему только какому-то будущему поколению должно посчастливиться взобраться на вершину прогресса и пировать на этой вершине? Нравственным ли будет такого рода «пир»? На этот последний вопрос дал весьма категоричный и жесткий ответ Н.А.Бердяев: «Идея прогресса ... допускает на этот ... пир лишь неведомое поколение счастливых, которое является вампиром по отношению ко всем предшествующим поколениям. Тот пир, который эти грядущие счастливыцы устроят на могилах предков, забыв об их трагической судьбе, вряд ли может вызвать с нашей стороны энтузиазм к религии прогресса – энтузиазм этот был бы низменным» [3, с. 148].

Если внимательнее присмотреться к представлениям об общественном прогрессе с точки зрения его движущих сил, то обнаруживается, что все их конкурентное многообразие в целом можно свести к двум главным факторам.

1. Прогресс интерпретируется как саморазвивающийся, автоматический, естественный, неизбежный, самореализующийся. Он имманентен истории, сам

⁶ Смотрите, в частности, интересный и содержательный анализ на редкость смысловой и цельной критики «человекобожия» и «религии прогресса» в философско-публицистических выступлениях 1902 – 1910 гг. С.Н.Булгакова, данный российским философом Э.Ю.Соловьевым [2, с. 31 – 36].

себе выдает векселя и гарантии относительно непреложного торжества светлого будущего, т.е. выступает как гарантированный прогресс. И тут уже не столь существенно, обнаруживает ли он себя в форме собственно религиозного провиденциализма, действует ли он от имени Бога или от имени объективной истории, находит свои источники в естественной области, в сфере проявления «железных» законов истории. Главное здесь то, что в любом случае обеспечивается конечный успех – торжество будущей социальной гармонии.

2. Прогресс трактуется как результат целенаправленной человеческой активности. Здесь решающая роль отводится субъективному фактору, человеку (отдельному индивиду или коллективу), призванному творить, конструировать исторический прогресс. В этой своей ипостаси прогресс понимается как то, что может и должно быть достигнуто, сконструировано, утверждено, т.е. в данном случае прогресс уже не гарантируется самим по себе ходом истории, а ставится в зависимость от творческих усилий, поиска и борьбы социальных субъектов. Тут уже прогресс требует не пассивного ожидания («поживем, увидим»), а активного действия, творческой конструктивной работы.

На первый взгляд, вполне можно допустить, что эти чисто теоретические конструкции имеют весьма отдаленное отношение к реалиям практического бытия людей. Но это только на первый взгляд. При ближайшем же рассмотрении данного вопроса выясняется, что обе эти интерпретации движущих сил прогресса очень часто ставят человечеству опасные ловушки, западни. В практике реальной жизни идея автоматического триумфа прогресса, гарантированного конечного успеха (первая версия) хочешь – не хочешь обезоруживает людей перед теми реальными фактами и событиями, которые не вкладываются в прогрессистскую схему развития, расслабляет их волю в противостоянии актуальному злу (дескать, «все само собой образуется»). Возможность такого рода поворота событий, пожалуй, в наиболее красноречивой форме зафиксировал испанский философ Х.Ортега-и-Гассет: «Поскольку люди позволили этой идее затмить им расклад, они выпустили из рук поводья истории, утратили бдительность и сноровку и жизнь выскользнула у них из рук, перестала им покоряться. И вот она бродит сейчас, свободная, не зная, по какой дороге пойти. Под маской благородного провидца будущего сторонник прогресса не думает о будущем, он убежден, что от будущего нельзя ожидать секретов, ни сюрпризов, ни существенно нового, ни каких-либо резких поворотов судьбы» [4, с. 73].

На деле получается, что вера в прогресс снимает всякую ответственность за будущее состояние социального бытия. Нет никакой необходимости бороться за более совершенные формы человеческого общежития, быть всегда на чеку, в состоянии беспокойства, активно противостоять различного рода антигуманности и деструктивным явлениям, если история сама по себе устроит все самым наилучшим образом. Отсюда, даже в наше время, чреватое угрозами различного рода глобальных катастроф, легковесный оптимизм, беспечность, отсутствие желания и способности к ответам на жесткие вызовы современности.

Кроме того, вера в то, что будущее заведомо лучше и ценнее настоящего и прошлого, независимо от желания ее носителей провоцирует рознь между поколениями [5, с. 459]. В самом деле, теория гарантированного прогресса позволяет каждому новому поколению считать себя лучше всех предшествующих уже только потому, что оно родилось в более позднюю эпоху. Все мы являемся свидетелями, как некоторые представители молодежи, одурманенные прогрессистскими идеями, считают своих родителей чуть ли не пещерными существами, какими-нибудь троглодитами, не учитывая при этом, что их дети, если они тоже унаследуют веру в автоматический прогресс, будут так же презирать их, упиваясь своим мнимым превосходством над ними. Преодолеть эту цепь конфликта поколений можно, только развенчав прогрессистское сознание, показав самоценность жизни всех поколений и отсутствие действительного превосходства будущего над настоящим.

Вообще мысль о том, что будущее непременно обладает каким-то превосходством над предшествующими стадиями в жизни общества, что развитие обязательно представляет собой движение вперед и вверх, ведет ко все большему совершенству, ко все новым и новым вершинам истории, явно сужает горизонты человеческого бытия, упрощает реальную, сложную и противоречивую динамику социальных изменений. А в наши дни, когда технократическая модель развития, с которой, собственно, и ассоциируется «триумф идеи прогресса», «эра прогресса» и которая завела современное общество в бесчеловечный тупик, мысль о вершинности в истории, методологические установки прямо или косвенно, явно или неявно оценивать всю предшествующую жизнь как прелюдию к грядущему совершенству, как «предысторию»⁷ становятся чрезвычайно опасны, мешают пониманию глубинной сути того общества в котором мы живем, дезориентируют людей, направляют их усилия на ложные перспективы и тупиковые пути развития. Ведь главная задача, которая сегодня стоит перед человечеством, – это движение к экологобезопасному обществу, прорыв к духовно-экологической цивилизации. Но такой прорыв, как представляется, невозможен без утверждения принципов реставрационного развития, без непользования стабилизирующих факторов традиционных обществ в качестве каркаса для становления и развития постиндустриального (постэкономического) общества (разумеется, с качественно иным по отношению к традиционным обществам содержанием). Мы убеждены, что постиндустриальное (постэкономическое) общество не может возникнуть как результат простого углубления достижений индустриальной эпохи, а будет представлять собой развитие по закону «отрицания отрицания», ознаменуется возвращением к отвергнутым техногенной цивилизацией многим формам бытия ушедших эпох. Может статься так, что отброшенные ныне достижения и опыт традиционных обществ окажутся на новом повороте истории весьма созвучными духовно-экологическим ориентирам 3-го тысячелетия. Не традиционные ли общества, в отличие от техногенных, продемонстрировали необычайную жизнеустойчивость и приспособленность к окружающей среде без тотального ее разрушения?

Кстати сказать, один из наиболее последовательных критиков теории прогресса Ф. Теннис (1855 – 1936) не только указал на массу побочных негативных эффектов развития цивилизации, но и обратил внимание на фундаментальные достижения и достоинства ранних традиционных сообществ по сравнению со сменившим его современным индустриальным и урбанистским обществом, что в немалой степени способствовало широко распространившимся в XX веке разочарованию в прогрессе и интенсивным поискам многими исследователями и литераторами путей возрождения «утерянной общности», растянувшимся почти на целое столетие. Проводя четкую грань между такими основными социологическими понятиями, как *общность* и *общество*, Теннис показал, что общность является продолжительной и подлинной формой совместной жизни в семье и народе, а сменившее ее общество явило миру механическую целесообразную конструкцию и нашло свое выражение в больших городах и в государстве, где стало обычным господство эгоизма, разграничения, контраста, страсть к наживе, эксплуатации и т.д. Более того, Теннис предпринял весьма аргументи-

⁷ Русский философ П.И. Новгородцев отмечал, что почти все мыслители XVIII – XIX вв., в том числе Гегель и Маркс, «сходились в общем ожидании грядущего земного рая. Они были убеждены:

1. *Что человечество, по крайней мере в избранной своей части, приближается к заключительной и блаженной поре своего существования,*

2. *И что они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приведет людей к этому высшему и последовательному пределу истории.*

Каждый из великих мыслителей по-своему выражал ту истину, которая должна спасти людей, но все думали одинаково, что такая истина есть и что они ее знают» [6, с. 23].

рованную попытку доказать, что современное общество вырождается по мере исчезновения различных форм жизни в общностях, превращается из организма в механизм, из естественного в искусственное образование [7].

Как бы там ни было, однако социально-антропологический опыт XX века дает более чем достаточные основания серьезно усомниться в благости теории прогресса, отказаться от легковесной веры в возможность достижения вершин истории. Этот опыт свидетельствует, что, несмотря на все глубокие изменения в бытии народов, произошедшие в XX веке, мы не имеем права утверждать, что этот век поднял жизнь человечества к вершинам прогресса более, чем какой-либо другой век. Ибо все победы и достижения этого века оплачены непосильно высокой ценой, связанной с новыми проблемными ситуациями, новыми сложностями и противоречиями. Да и кто сегодня возьмет на себя смелость утверждать, что человек XX века стал лучше, чем был, скажем, гражданин Афин периода Перикла или гражданин Великого Новгорода времен Александра Невского? Явно не найдет и тот достаточных аргументов, кто попытается определить, где находится «золотой век» человечества – в глубокой древности, отдаленном будущем или в сегодняшнем дне. Думается, что ни одно поколение не имеет каких-то особых преимуществ перед другими. В интегральном процессе движения социума каждое поколение самоценно и непреходяще значимо. Люди, стремясь к совершенству, должны избегать утопически-хилластического самообмана относительно возможности достижения каким-либо определенным поколением будущего земного рая. Рая не будет. А будет жизнь (если она вообще будет) в ее бесконечном переплетении достижений и провалов, радости и горя, отчаяния и нужды. Всего этого и много другого не избежать ни одному обществу на земле.

С другой стороны, интерпретация прогресса как исключительно результата активности того или иного социального субъекта в реальной социально-политической практике сплошь и рядом оборачивается волюнтаризмом, деструктивностью и утопизмом. Последний как выражение всеобщих идеализированных образов лучшего, желаемого будущего практически всегда тесно связан, сопутствует и переплетается с идеей прогресса.

В реальной практике претензии утопизма извне навязать неустроенному и дисгармоничному миру принципиально новые формы социального бытия, планомерно перестроить жизнь людей посредством единой направляющей разумной воли, всегда наталкивались на упорное и неустранимое сопротивление старого мира. Старый мир, несмотря на все свое совершенство, неорганизованность и неупорядоченность, почему-то сопротивляется своему разрушению, не торопится перестраиваться в соответствии с предлагаемой ему моделью, какой бы идеальной она ни представлялась ее авторам. Данное обстоятельство или, точнее сказать, сама логика начатых преобразований ставит одержимого своей идеей прогресса утописта перед необходимостью сломать данное сопротивление, устранить все внешние препятствия на пути к реализации идеала, всецело обращает его деятельность на разрушение существующего. Именно с этого и начинают все революционеры, руководствующиеся утопическим замыслом утвердить абсолютно совершенный и новый порядок жизни. Им и в голову не приходит, что их установки могут находиться в фундаментальном противоречии со сложностью человеческого бытия, что есть нечто неподвластное воле человека и оно не может быть изменено каким бы то ни было волевым усилием. Как проявление случайности, злой воли, как нечто противоестественное воспринимается ими факт существования людей, не соглашающихся на строительство «нового» мира, обеспечивающего им полное «спасение». Эти люди, с их точки зрения, просто ненормальны. Они во имя добра и справедливости должны быть изолированы, подавлены, наконец, уничтожены. В итоге получается, что стремление к утверждению общественного идеала постепенно подменяется антиобщественной деятельностью, основной целью которой становится устранение противников будущего идеального общественного устройства, всех тех,

кто защищает настоящее. Так, шаг за шагом, пробивает себе дорогу тенденция к деспотизму, насилию, которая в своем логическом завершении грозит обернуться всеохватывающей тиранией.

При этом самым удивительным и неожиданным превращением в судьбе утопии является то, что она не только вопреки своему первоначальному замыслу приводит не к добру, а к злу, не устраивает, а разрушает, но и каким-то странным и непостижимым образом превращает утопистов и их последователей из самоотверженных ревнителей блага и счастья человеческого в откровенных тиранов и узурпаторов. В этом есть какая-то своя парадоксальная и противоречивая логика, заложенная, по-видимому, в самой природе прогрессистского сознания. Иначе как объяснить роковую диалектику, приведшую Белинского от всеобъемлющей любви к человечеству и отдельному человеку к требованию «тысячи голов» или превратившую аскетического и добродетельного человека в личной жизни Робеспьера в хладнокровного тирана, а многих наших пламенных революционеров в палачей-чекистов, о чем так глубоко и проникновенно пишет русский философ С.Л.Франк [8, с. 54].

Один, пожалуй, из самых выдающихся русских философов В.Соловьев, говоря о диалектике превращения образов идеального общественного строя, устанавливающих некоторый определенный общественный идеал в идолов политической практики и действия, писал: «... Этот идеал принимается независимо ни от какой внутренней работы самого человека, он состоит только в некотором заранее определенном и извне принудительном экономическом и социальном строе жизни; поэтому все, что может человек сделать для достижения этого *внешнего* идеала, сводится к устранению внешних же *препятствий* к нему. Таким образом, сам идеал является исключительно только в будущем, а в настоящем человек имеет дело только с тем, что противоречит этому идеалу, а вся его деятельность от несуществующего идеала обращает всецело на *разрушение существующего*, а так как это последнее держится людьми и обществом, то все это *дело* обращается в насилие над людьми и целым обществом. Незаметным образом общественный идеал подменяется противообщественной деятельностью. На вопрос: что делать? – получается ясный и определенный ответ: убивать всех противников будущего идеального строя, т.е. всех защитников настоящего» [9, с. 309 – 310]. И далее философ подчеркивает: «Для *такого* служения общественному идеалу человеческая природа в теперешнем своем состоянии и в самых худших своих сторонах является вполне готовой и пригодной. В достижении общественного идеала путем разрушения все дурные страсти, все злые и безумные стихии человечества найдут себе место и назначение: такой общественный идеал стоит всецело на почве господствующего в мире зла. Он не предъявляет своим служителям никаких нравственных условий, ему нужны не духовные силы, а физическое насилие, он требует от человечества не внутреннего *обращения*, а внешнего *переворота*» [9, с. 310]. Реалии XX века превзошли опасения мыслителя. Здесь нет пока необходимости говорить о застенках «казарменного социализма» и фашистских концлагерях.

Примечательны в этом отношении мысли Ф.М.Достоевского. В своем выдающемся произведении «Записки из подполья» он не только высмеял утопическую идею хрустального дворца из романа Чернышевского «Что делать?», но и подверг сомнению ценность утопических проектов изменения общества вообще. Достоевский с присущей ему глубиной показывает, что попытки утопистов найти как можно более простую форму – «табличку», которая позволит обеспечить человеческое счастье, в принципе несостоятельны: общественная жизнь не подвергается каким-либо заранее запланированным, мгновенным улучшениям, а постепенно совершается, стихийно. Это происходит потому, что общество представляет собой органическую целостность, имеющую свою внутреннюю логику развития. Всякие произвольно-внешностные манипуляции с этой целостностью вредны и губительны. Попытки такого рода ассоциируются у Достоевского с

«математикой», примитивной механикой, не принимающей во внимание сложность человеческого бытия, рассматриваются им как рациональная гордыня. Согласно ему общественный идеал должен иметь объективные основания в самой природе вещей. Гуманистическое начало, солидарность, уважение к правам и достоинству личности, к свободе нельзя привнести в социальную жизнь извне. Общественная правда не выдумывается отдельными мыслителями, а коренится во всенародном чувстве.

В другом своем произведении – знаменитом романе «Бесы» – Достоевский с впечатляющей силой показал, как стремление привести жизнь в соответствие с требованиями абстрактного идеала с неизбежностью оборачивается «щига-левщиной» – системой, основанной на лжи, преступлении, доносительстве и насилии.

Так прогрессистский утопизм, вопреки своим первоначальным установкам, роковым образом увлекает на путь тотального террора, превращая при этом своих творцов и последователей из «невинных» мечтателей и фантастов в грозных деспотов и тиранов. Такова в самом общем и поэтому неизбежно схематизированном виде судьба практических попыток воплощения в реальную жизнь утопического идеала абсолютно совершенного общественного устройства.

Вот почему людям нужен не выбор будущего, а выбор настоящего, причем каждым на своем месте и в соответствии со своей совестью и человеческой нравственностью, т.е. выбор в системе гуманистических координат и с полной ответственностью за каждый свой поступок. Думается, что прав российский исследователь Ю.Бородай, когда пишет: «Никакого счастливого благоустройства на земле вообще быть не может. И уже тем более благоустройства, основанного на рациональных разумных началах ... В этом мире при любом общественном строе все живые неизбежно болеют и умирают, ревнуют, иногда обижают друг друга и ссорятся ... Испытаний этих и искусов не избежать никому.

Разумеется, мера и степень взаимных обид и страданий зависит от социального климата. Там, где земная жизнь людей складывается более-менее сносно, она строилась не на умозрительных домыслах и расчетах, но на **святынях**, т.е. на нравственных императивах, «предрассудках», если угодно, своеобразных у каждого из народов, что и делает их неповторимыми **соборными личностями**, общественными индивидуальностями. Человеческий мир многоцветен и интересен именно потому, что основу культуры каждого из народов составляют свои **культовые святыни** («ценности» – на языке современной науки), не подлежащие никакому логическому обоснованию ...» [10, с. 140].

Сказанное, разумеется, вовсе не означает, что необходимо отказаться от прогресса, от стремления к совершенству. Это в принципе невозможно и ненужно: стремление к трансценденту, к идеалу внутренне присуще природе человека, имеет онтологическую укорененность в его бытии. Речь идет лишь о том, чтобы направить прогрессистские устремления в гуманистическое русло, сообразовывать их с природой и потребностями живого и действующего человека, с возможностью его полноценного развития и устроенностью в этом мире, т.е. в сущности речь идет о нравственных «противовесах» и «ограничителях» умозрительно-радикальных проектов преобразования мира.

Подвергая критическому анализу прогрессистское сознание, слепую веру в прогресс, мы, тем не менее, должны иметь в виду, что это сознание и эта вера отнюдь не случайны. В сущности, вера в прогресс базируется на фундаментальных характеристиках человеческого бытия с его извечным разрывом между реальностью и желаниями, действительностью и мечтой, между тем, что люди имеют, и тем, к чему они стремятся, между тем, кто они есть на самом деле, и тем, кем хотели бы быть. Теоретические попытки преодоления реальной разобщенности социального мира, достижение его целостности и единства, жажда хотя бы духовного овладения ситуацией – осмысления, оправдания или осуждения с тех или иных позиций наличного бытия являются важнейшими компонен-

тами общественного сознания всех народов и эпох. В данных попытках отражалась органически свойственная человеку как общественному существу потребность в поисках смысла жизни, в самопознании и самоосуществлении. Именно в рамках этих поисков новых непротиворечивых форм социального бытия и лежат истоки теории прогресса. Теория прогресса призвана смягчить экзистенциальное напряжение между действительным, желаемым и возможным, дать надежду на лучшую жизнь в будущем, убедить людей, что достижение этой будущей прекрасной жизни гарантировано, или, по крайней мере, возможно. Следовательно, идея прогресса призвана так или иначе удовлетворить извечную потребность человека в совершенстве и гармонии и поэтому, несмотря на все вполне обоснованные сомнения и скептицизм, она будет в той или иной мере воспроизводиться каждым новым поколением.

Идея прогресса помогает людям смягчить столкновение с жестокой реальностью, преодолеть всеобщее отчаяние. Соответственно, критика прогресса должна быть не огульной и тотальной, а скоррелированной с реальными тенденциями развития общества, с опасностями и угрозами, которые его подстерегают сегодня. Просто нужно развивать рефлексивное отношение к доминирующему ныне в мире типу прогресса, основанному на идеологии технократизма. Прогресс сегодня заключается вовсе не в продолжении развития инструментально-технической, технико-потребительской цивилизации (к чему пока еще усиленно стремятся не только многие отдельные индивиды, но и целые народы и государства), а в сохранении биосферных условий выживания человека, человеческого рода, в переориентации научно-технического прогресса с задачей повышения экономической эффективности на задачи спасения биосферы. Нужно стремиться к тому, чтобы человеческая надежда (без которой людям жить почти невозможно) базировалась не на перспективе абстрактного будущего, питалась слепой верой, что будущее заведомо лучше настоящего, а основывалась на перспективе вечности, исходила из надвременных ценностей, универсального, непреходящего характера — чести, совести, долга и т.д. Не в бесконечной погоне за максимальной прибылью, богатством и безудержно-иррациональным потребительством, а в стремлении к правильной жизни, жизни не по лжи, к жизни в гармонии с миром состоит сегодня подлинный прогресс человечества. Иначе говоря, всякий прогресс оправдан в той мере, в какой он обеспечивает воспроизводство здорового, полноценного человека и способствует росту его духовных потребностей и духовного уровня.

Главное здесь, однако, заключается в том, что люди должны целиком и полностью нести ответственность за все свои поступки и за все, что происходит на нашей земле. Это объясняется тем, что у истории нет готового плана или сценария, по которому должно двигаться человечество, — историческая реальность в действительности всегда есть результат деятельности преследующих свои цели людей. Не какие-то мистические силы и социальные демиурги, выступающие в виде безличных социальных систем, а сами люди творят свою историю, исходя из своих потребностей, интересов, установок, целей, идеалов, опираясь на свое сознание и волю. В результате социальных действий различных групп людей, действий, основанных на том или ином понимании социальной реальности и соответствующей ее оценке, и складывается определенная ситуация в данном обществе. В свою очередь люди есть продукт данного общества, выступающего как социальная система.

Но здесь-то и возникает самый трудный вопрос: как гуманизировать, субъективный фактор истории, направить человеческую деятельность в гуманистическое русло? Если и в самом деле люди являются не только хорошо управляемыми марионетками, бездумными исполнителями predeterminedных вердиктов истории, воплощенных в производительных силах, технологических, демографических тенденциях или революционном порыве, а действительные творцы истории, то как добиться того, чтобы они действовали с позиции гуманизма? Польский

исследователь П.Штомпка, отталкиваясь от постмодернистской доктрины «конструктивизма», делает акцент на реальных социализированных индивидах, причем индивидах не вырванных из социального и исторического контекста, как это присуще концепциям «героизма», согласно которым подлинными субъектами исторической деятельности являются исключительно великие люди – гении, короли, полководцы, пророки, революционеры и т.д., от личностных (более или менее случайных) качеств которых и зависит исторический процесс, а на индивидах, осуществляющих нормальную повседневную социальную деятельность. В рамках данного подхода прогресс трактуется не только как результат осознанных целенаправленных действий, но и как итог ненамеренных и зачастую неосознанных человеческих усилий, как продукт «невидимой руки» (А.Смит), «хитрости разума» (Гегель) или «ситуативной логики» (К.Поппер). Субъект деятельности в таком случае очеловечен. Это обычные люди. «Они – знающие, но не всевидящие; обладающие силой, но не всемогущие; созидающие, но не волшебники; свободные, но не беспредельно» [11, с.62]. Здесь прогресс рассматривается «как потенциальная способность, а не конечное достижение; как динамическое, изменяющееся в ходе эволюции, относительное качество конкретного процесса, а не абсолютный, универсальный внешний стандарт; как историческая возможность, открытый выбор, а не необходимая, неизбежная, неуклонная тенденция, и, наконец, как продукт (часто непреднамеренный и даже не осознанный) человеческих – индивидуальных разнонаправленных и коллективных – действий, а не результат божественной воли, благих намерений великих людей или автоматического действия социальных механизмов» [11, с. 62]. Такой подход, согласно Штомпке, дает основу для принципиально новой интерпретации прогресса.

Спору нет, что данный взгляд на общественный прогресс весьма конструктивен. Главное, он обеспечивает уверенность в том, что историческая судьба людей находится в их собственных руках, что улучшение возможно не само по себе, а благодаря человеческим устремлениям и усилиям, причем усилиям не каких-либо отдельных членов и одиночек, а всех людей доброй воли. Делая акцент на человеческих возможностях, этот взгляд необходимо постулирует принцип многовариантности, вариативности будущего. Тем самым он противостоит всем видам финализма и фатализма, дает простор социальному оптимизму, вселяет в сознание людей надежду, помогает им избавиться от чувства катастрофичности. Но он, к сожалению, не решает главную загадку, не отвечает на вопрос: почему нормальная, повседневная человеческая деятельность сплошь и рядом приобретает деструктивный, антигуманный характер, не способствует физическому и нравственному благополучию человека и процветанию общества. Он не избавляет нас от необходимости понять, почему в нашем реальном мире деятельность прогрессивно ориентированного социального субъекта имеет устойчивую тенденцию оборачиваться крайне негативными последствиями, почему даже деятелю с доминирующей гуманистической составляющей, с ориентацией на прогресс в человекообразном смысле каждый раз противостоят силы, придающие направлению социальных изменений противоположный характер (вспомним, знаменитое: «хотели как лучше, а вышло как всегда»). Почему-то в реальной истории всегда получается так, что глубинные источники прогресса, т.е. способность человека к самотрансцендентности – возможность выходить за собственные пределы, «переступать границу» существующего, прорываться через многочисленные препятствия, склонность к инновациям, выдвижению оригинальных идей, к обучению и тренировке, позволяющих ему трансформировать, «покорять» природу и перестраивать посредством реформ, революций и т.д. существующие социальные структуры часто могут вести и на самом деле ведут не только к утверждению блага, но и к расширению общественного зла.

Теперь, пожалуй, факт возрастания роли субъективного фактора истории по мере ее движения вряд ли у кого вызывает сомнения. В начале XXI века это

стало вполне очевидным. Но, к сожалению, трагедия истории заключается в том, что нарастающая сила целенаправленного воздействия на природную, общественно-политическую и социокультурную среду отнюдь не сопровождается гуманизацией социума, а скорее, наоборот, ведет к разрушению фундаментальных основ человеческого бытия, оборачивается не прогрессивными, как это хотелось бы, а регрессивными общественными изменениями. А если выразиться более последовательно, то возросшая роль субъективного фактора истории на каждой развилке ее дорог грозит обернуться новой и еще более опасной формой тоталитаризма.

Сегодня даже предмет нашего разговора – сама теория прогресса – в некоторых своих новейших версиях стала буквально на глазах растрчивать многие присущие ей ранее элементы гуманистического содержания и все в большей степени приобретать черты специфической формы социокультурного или цивилизационного расизма. Классическая теория прогресса, что бы там о ней ни говорить, все же несла в себе универалистские черты и содержала идеи общечеловеческого, общегуманитарного порядка, согласно которым все народы мира, в том числе и самые отсталые (концепция догоняющего развития) способны двигаться по пути самосовершенствования и развития, и достичь вершин социальной эволюции. Теперь ситуация изменилась. Как только были осознаны «пределы роста», связанные с экологическими ограничениями, классическая теория прогресса, постулирующая перспективы единого (само собой разумеется, прекрасного) общечеловеческого будущего, перед которым все, как перед Богом, равны, оказалось отброшенной, стала стремительно терять свою универсальность и всечеловечность. По мере того, как становилось все более очевидным, что щедрот прогресса на всех не хватит и что за них не только в отдаленном, но и ближайшем будущем предстоит тяжелая борьба, в странах Запада все настойчивее заговорили о формировании сепаратного, отгороженного будущего для избранного меньшинства («золотого миллиарда»), способного в отличие от периферийного большинства и дальше идти по пути прогресса. Так, в настоящее время шаг за шагом стала утверждаться теория пространственно-ограниченного прогресса, теория, признающая право на благосостояние и развитие только за отдельными регионами мира, только за теми народами, которые добились лидерства в сфере экономики и современных технологий [12, с. 20, 50 – 52]. На практике это ведет к новым разделительным линиям, к становлению и развитию своеобразного технико-экономического агрессивного глобализма (планетарного тоталитаризма), связывающего неполноценность народов уже не с теми или иными натуралистически-биологическими факторами, как это было характерно для традиционного расизма, а с критериями продвинутости народов по пути формирования индустриального (постиндустриального) общества западного образца, т.е., по сути дела, с критериями социокультурной идентичности, фиксирующей качественные различия людей в сфере духа, архетипов народного сознания, в том числе коллективного бессознательного, в сфере обычаев, традиций, поведенческих стереотипов и предпочтений.

В связи со всем этим вольно или невольно возникает вопрос: а не забрело ли человечество не «в ту степь», в «темную долину смерти», как об этом говорит Э.Фромм [13, с. 44]. И не означает ли это, что мы всегда должны наряду с вопросами «как?» и «почему?» ставить телеологические вопросы «зачем?», «для чего?», «куда?», в каком направлении и во что в конечном счете выливается активная преобразующая деятельность человека, в какую сторону обращена его созидательно-разрушительная энергия? И не возникает ли в связи со всем этим потребность в определенном рода гуманитарной экспертизе и контроле за свободной полагаемой человеческой деятельностью, ее переориентировке, а возможно,

и запрете некоторых ее форм? Может, человеку разумному, «венцу творения», покорителю природы нужен все-таки какой-то высший цензор, абсолют, критерий, с которым ему следовало бы соизмерять свои устремления и помыслы? Впрочем, вопрос о причинах деструктивных проявлений возросшей роли субъективного фактора истории и путях их преодоления – тема специального рассмотрения.

1. Ш а н и н Т. Идея прогресса // Вопросы философии. – 1998. – № 8.
2. С о л о в ь е в Э. Ю. Секуляризация – историзм – марксизм // Вопросы философии. – 2001. – № 4.
3. Б е р д я е в Н. А. Смысл истории. – М., 1990.
4. О р т е г а - и - Г а с с е т Х. Дегуманизация искусства и другие работы. – М., 1991.
5. Ш а п о в а л о в В. Ф. Основа философии. От классики к современности. – М., 1999.
6. Н о в г о р о д ц е в П. И. Об общественном идеале. – М., 1991.
7. История буржуазной социологии XIX – нач. XX в. – М., 1979. – Гл 8.
8. Ф р а н к С. Л. Ересь утопизма // Родник. – Рига, 1989. – № 6.
9. С о л о в ь е в В. С. Три речи в память Достоевского // Соч. В 2-х т. – М., 1988. – Т.2.
10. Б о р о д а й Ю. М. Третий путь // Наш современник. – 1991. – № 9.
11. Ш т о м к а П. Социология социальных изменений. – М., 1996.
12. П а н а р и н А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М., 1999.
13. Ф р о м м Э. Душа человека. – М., 1992.

Поступила в редакцию 15.05.2002.

The main contradictions of the theory of progress are disclosed in the article. An extended criticism of the progressist consciousness is given. It is shown that progressivism, having crossed in its evolution with ideology, has turned into a kind of religious type of consciousness (religion of progress). Alongside with that the conclusion is made that the idea of the unbounded linear progress is a serious obstacle in considering the social world in all its complexity and comprehensiveness and prevents the one from discerning in it a diversity of forms which coexist with each other in a parallel way. Besides, it is stressed in the article, that the 20th century has revealed a great number of symptoms which definitely indicate the necessity of reestimation of the home and foreign types of progress.

Кирвель Чеслав Станиславович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ГрГУ им. Я.Купалы.